

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

ББК 84(2)

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-101-112>

**РУССКИЙ МИФ О ДОН КИХОТЕ
В РОМАНЕ А. Н. ТОЛСТОГО «АЭЛИТА»**

Дарья Васильевна Пономарева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Впервые проводится целостный анализ специфики интерпретации русского мифа о Дон Кихоте в романе А. Толстого «Аэлита». Бунт героев-мечтателей против несовершенной действительности связывается в романе с проблемой самоидентификации. Путешествие на Марс мыслителя Лося и деятеля Гусева становится не столько поиском чудесного места, сколько странничеством в поисках собственного места в стремительно меняющейся реальности. Интеллигент Лось, воплощающий идею научного служения, и выходец из народа Гусев, донкихотствующий революционер, обладатель деятельной творческой энергии, на пути самоопределения необходимы друг другу. Важное значение имеет не только продвижение героев по пути самореализации, но и движение навстречу друг другу. Между «ученым» Лосем и «неученым» Гусевым устанавливаются отношения *я – другой*, в которых признание и понимание системы ценностей другого ведут к узнаванию самого себя. Путешествие-поиск героев завершается обретением личного счастья и осуществлением своего предназначения, которое способствует достижению всеобщего блага в будущем.

Ключевые слова: *русское донкихотство, миф о Дон Кихоте, А. Н. Толстой, самозванец, бунтарь, лишний человек, странник, фантастика*

Для цитирования: Пономарева Д. В. Русский миф о Дон Кихоте в романе А. Н. Толстого «Аэлита» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 2. С. 101–112. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-101-112>

Original article

**RUSSIAN MYTH ABOUT DON QUIXOTE
IN THE NOVEL “AELITA” BY A. TOLSTOY**

Daria V. Ponomareva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the first analysis of the peculiarity of interpretation of the Russian myth about Don Quixote in the novel “Aelita” by A. Tolstoy. The rebellion of the dreamer-heroes against imperfect reality is associated in the novel with the problem of self-identification. The journey to Mars of the thinker Elk and the figure of Gusev becomes not so much a search for a wonderful place as a wandering in search of their own place in a rapidly changing reality. The intellectual Elk, embodying the idea of scientific service, and Gusev, a native of the people, a quixotic revolutionary, an owner of active creative energy, are necessary for each other on the path of self-determination. It is important not only to advance the heroes along the path of self-realization, but also to move towards each other. The relationships *I - other* has been established between the “scientist” Elk and the “non-scientist” Gusev, where recognition and understanding of the value system of the other leads to recognition of oneself. The journey-search for heroes ends with the acquisition of personal happiness

and the realization of one's destiny, which contributes to the achievement of the common good in the future.

Key words: *Russian Don-Quixotism, myth of Don Quixote, A. N. Tolstoy, impostor, rebel, superfluous man, wanderer, fiction*

For citation: Ponomareva, D. V. (2025). Russian myth about Don Quixote in the novel "Aelita" by A. Tolstoy. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 2, pp. 101-112. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-101-112>

Введение

В истории русской литературной мысли Дон Кихот М. Сервантеса традиционно воспринимается как фигура мифологическая, своего рода ключ к осмыслению основных вех русской интеллектуальной и общественной жизни. Истоки русского донкихотства обнаруживаются в специфике национального утопического сознания, отразившейся как в народных сказках об ищущем счастья Иванушке-дурачке, так и в философских исканиях русской интеллигенции, для которой идея о спасении гибнущего человечества фактически играла роль символа веры. В. Багно неоднократно подчеркивал, что популярный испанский роман русские читатели в первую очередь восприняли как «притчу о человеческом предназначении», которая в итоге преобразилась в мечту о самоотверженном подвиге во имя страдающего человечества и стала одной из составляющих «русской идеи» [Багно, 2009, с. 3, 5]. Русское донкихотство выстраивалось на отделении главного героя от сервантесовского романа, вживании в «чужое имя» и осознанном переосмыслении «производящей основы» [Багно, 2009, с. 6], т. е. как свободное мифотворчество. В русской литературной традиции миф о Дон Кихоте включает в себя четыре мифа-составляющие – о бунтаре, самозванце, страннике и лишнем человеке, а донкихотовское мировосприятие напрямую связывается с проблемой национальной и личной самоидентификации [Багно, 2009, с. 220].

Как отмечают исследователи творчества А. Н. Толстого, мироощущение писателя в непростой для него период реэмиграции несет на себе «отпечаток экзистенциального кризиса», который переживается как этап «самоопределения в постреволюционном русском мире» [Баранская, 2021, с. 4]. Как полагает Е. Баранская, именно поэтому в 1920–1930-е гг. творчество А. Толстого наполнили фантастический, авантюрно-приключенческий и детективный жанры, позволяющие писателю свести воедино «трагизм нынешнего с романтическими мечтами об идеальном обществе» [Баранская, 2023, с. 6], иными словами – дающие возможность иначе посмотреть на окружающую его действительность настоящего и творчески достроить в воображении ожидаемое будущее новой Советской России, которая в то время еще не обрела конкретных очертаний, но легко представлялась в фантастических образах. Разделяя эту точку зрения, К. Исмаил утверждает, что под фантастической оболочкой «Аэлиты» (1923 г.) А. Толстым была скрыта «лично пережитая проблематика контакта своего и чужого» [Исмаил, 2008, с. 81]. Авантюрно-фантастический сюжет романа позволил писателю поместить героев в исключительную ситуацию, дающую возможность философского осмысления проблем: персонажи должны были «пройти испытания на их принадлежность человеческому роду» [Козьмина, 2017, с. 152].

Как замечает А. Бритиков, в «Аэлите» А. Толстой предпринимает успешную попытку осознать историческую природу революции и определить в «сложности пореволюционного мира самые простые, но зато и самые главные, общечеловечески-космические полюсы» [Бритиков, 1970, с. 66]. Значимо, что на первый план в фантастических произведениях писателя в эти годы

выходят по-своему донкихотствующие герои, авантюристы, фантасты и мечтатели, «все они одержимы фантазиями и желаниями» [Баранская, 2023, с. 7], зачастую не приспособлены к реальному миру, но продолжают до конца верить в чудеса и жить надеждой. Такими новыми русскими донкихотами, своего рода литературными масками артистичного и отличавшегося оптимизмом А. Толстого, который в период возвращения из эмиграции так же подонкихотовски «не просто вживается в новую среду, но и пытается строить новую культуру новой России» [Баранская, 2023, с. 7], как нам кажется, предстают и главные герои романа «Аэлита» – инженер Лось и красноармеец Гусев, мечтатели, бросившие вызов закостеневшей обыденности.

Цель работы заключается в выявлении своеобразия переосмысления русской традиции донкихотства в романе А. Н. Толстого «Аэлита».

В ходе исследования будем отталкиваться от понимания донкихотовской ситуации как ситуации донкихотовского отношения героя к действительности, при котором «новые донкихоты» не отождествляются напрямую с идальго М. Сервантеса, но «соотнесены с персонажем знаменитого романа как с нормой “донкихотства”» [Пинский, 2002, с. 153]. Теоретической базой исследования служат работы, посвященные творчеству А. Толстого [Баранская, 2021, 2023; Горохов, 2005; Исмаил, 2008; Сахарова, 2007], исследованию русского фантастического романа [Бритиков, 1970; Неелов, 1986; Козьмина, 2017] и изучению донкихотовской традиции в мировой литературе и культурного своеобразия русского мифа о Дон Кихоте [Багно, 2003, 2009; Пинский, 2002; Тургенев, 1980; Сараева, 2010].

Новизна исследования определяется тем, что в статье впервые проводится анализ специфики интерпретации русского мифа о Дон Кихоте в романе А. Толстого «Аэлита».

Актуализация своеобразия переосмысления донкихотовской традиции в избранном произведении позволит углубить представление о степени влияния русской и западноевропейской литературных традиций на проблематику и жанровую специфику авантюрно-фантастических произведений А. Толстого, что в итоге даст возможность по-новому взглянуть на творчество писателя как наследника традиций русской классической литературы XIX в. и одного из основоположников советской литературы.

В работе применяются культурно-исторический, сравнительно-исторический методы и метод целостного анализа художественного текста.

Исследование и его результаты

Путь главных героев в романе «Аэлита» начинается с традиционного донкихотовского бунта. Бросая вызов серой обыденности, инженер Лось размещает на улице свое «странное» объявление, «небольшой, серой бумаги листок, прибитый к облупленной стене пустынного дома» [Толстой, 1958, с. 535], в котором «обыкновенно и просто» приглашает желающих лететь с ним на Марс. Если Дон Кихот Сервантеса преображал окружающую его действительность силой поэтического воображения, был способен увидеть в обыкновенных мельницах сказочных великанов, то герой А. Толстого умеет разглядеть за «облупленным» настоящим благородную перспективу будущего человечества, которое собственным трудом и знаниями сможет не только обустроить жизнь на родной планете, но и просто обязано будет проложить дорогу к новым мирам: «Через несколько лет путешествие на Марс будет не более сложно, чем перелет из Москвы в Нью-Йорк» [Толстой, 1958, с. 540]. Как определяет Е. Неелов, в романе Лось ожидаемо «играет типичную научно-

фантастическую роль У» [Неелов, 1986, с. 152], т. е. ученого. Именно ему принадлежит идея полета на Марс, он же как конструктор осуществляет руководство и непосредственно участвует в постройке корабля-ракеты.

Мстислав Сергеевич Лось часто рефлексировал: оставаясь ученым, он «анализирует не только внешний, окружающий его мир, но и мир собственной души» [Неелов, 1986, с. 152]. На первый взгляд склонность инженера к самоанализу роднит его с типом Гамлета, которого, как подчеркивал И. Тургенев, один из основоположников русского мифа о Дон Кихоте, отличают безверие и тщеславие, так как он «вечно возится и носится с самим собою» [Тургенев, 1980, с. 333], не способен любить по-настоящему (даже самого себя) и жить мечтой. Но Лось нельзя назвать эгоистом, его отношение к миру определяется преданностью идеалу, ради которого он готов пожертвовать даже жизнью. Как и тургеневский Дон Кихот, ученый собственную жизнь «ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины, справедливости на земле» [Тургенев, 1980, с. 332].

Неспособность донкихотствующего героя принять несовершенную действительность усугубляется тяжелыми переживаниями по поводу смерти любимой жены, которая была для него смыслом жизни, связующим звеном, отчасти примиряющим с реальностью. Риском предположить, что Лось с его тоской по утраченной жизни напоминает Дон Кихота, который похоронил свою несравненную Дульсинею. В этой связи можно сказать, что фантастическая мечта ученого через вечный холод космического пространства отыскать путь в новый обитаемый мир – это не просто насмешка над недоверчивыми обывателями, а вызов самой смерти, ведь «со смертью нет примиренья» [Толстой, 1958, с. 548].

Интеллектуально-научные устремления и волевой человеческий порыв Мстислава Сергеевича отражаются и в необычной внешности, которая выделяет его на фоне окружающих. Особое внимание А. Толстой уделяет глазам инженера, цепкий взгляд которых способен разглядеть в фантастической дали будущего то, что другие не смогут заметить даже у себя под носом: «Густые, шапкой, волосы его были белые. Лицо – молодое, бритое, с красивым большим ртом, с пристальными, светлыми, казалось летящими впереди лица, немигающими глазами» [Толстой, 1958, с. 538]. Но не лишен герой и комичных черт, которые подчеркивают его отчужденность от окружающего мира. Впервые появляясь на страницах романа А. Толстого, Лось предстает в традиционном облике рассеянного интеллигента, которого научная работа занимает больше, чем состояние собственной одежды: «Он был в холщовой, грязной, раскрытой на груди рубашке, в заплатанных штанах, перепоясанных веревкой. <...> Подходя, он попытался застегнуть на груди рубашку на несуществующую пуговицу» [Толстой, 1958, с. 538]. Творческим беспорядком наполнена и мастерская инженера, роль которой выполняет полутемный, заваленный чертежами и книгами сарай, описываемый как пространство созидания: «Лось – Мастер, делатель, творец» [Исмаил, 2008, с. 82], художник от науки.

Отметим, что необыкновенная ракета-яйцо Лось строится «на средства республики» [Толстой, 1958, с. 542], а старт корабля проходит в присутствии высокопоставленных лиц, прессы и огромной толпы любопытствующих горожан, но герой А. Толстого все равно одинок. Инженер долго не может найти спутника. Неоднократно подчеркивается, что окружающие не верят в успех фантастической экспедиции. Даже заинтересованные в необыкновенном полете рабочие, которые помогают Лосю в постройке ракеты, боятся лететь с ним. Помощники, сочувствуя инженеру, простодушно жалеют начальника,

замечая, что в мире «нет уже таких людей» [Толстой, 1958, с. 543]. Несмотря на свою прогрессивную научную работу, необходимую для построения нового мира, инженер как познающий субъект всегда будет оставаться «личностью, до конца жизни сохраняющей в себе тайну мечты и исторического прошлого» [Сахарова, 2007, с. 240], без которых невозможно будущее. На всеобщее непонимание Лось отвечает донкихотовской насмешкой, с горькой иронией признавая, что простым обывателям он кажется сумасшедшим: «...люди шарахаются от меня, как от бешеного» [Толстой, 1958, с. 539]. Но герой не стремится к славе, смирившись, он даже готов лететь на Марс один.

При всей его склонности к рефлексии и личной заинтересованности в предстоящем полете для Лося важна идея служения человечеству, в его случае – носителям разума обеих планет, Земли и Марса. Своей экспедицией инженер стремится и открыть новые возможности для землян, и ответить на сигналы, которые посылают марсиане. Как нам кажется, в образе Мстислава Сергеевича Лося, ученого, настоящего русского интеллигента, отражается представление о донкихотстве, воплощающем «позитивную идею общественного служения» [Багно, 2003, с. 225], которая связана с утопическим протестом против реальности, не соответствующей высоким представлениям героя о ней, и проблемой взаимодействия личности с обществом, необходимостью «рано или поздно осмыслить свое существование» [Багно, 2003, с. 225]. Бунт инженера против действительности и стремление облагодетельствовать человечество принимает форму научной работы, т. е. в образе Лося отражается понимание донкихотства «как любви к добру» [Багно, 2003, с. 229]. Исключительность научного подвига Лося подчеркивается тем, что запланированный инженером полет на Марс – это «уникальное, разовое предприятие, повторить которое удастся в будущем не скоро» [Горохов, 2005, с. 54].

В отношении Лося к работе можно обнаружить и отражение свойственной донкихотствующим героям склонности к самозванству, которая в эпизоде отлета преломляется в своеобразном саморазоблачении рефлексизирующего героя. Инженер прямо заявляет, что на самом деле он не «гениальный строитель» [Толстой, 1958, с. 555], мечтатель и смельчак, а трус и беглец. То, что на первый взгляд кажется неуверенностью в собственных силах, вероятно, можно трактовать как наивысшую степень самоотдачи делу всей жизни. Такая самоотверженность Лося призвана подчеркнуть глобальность его замысла, реализация которого, как понимает инженер, не может быть делом одиночки, даже самого гениального, а должно стать общим делом всех жителей Земли, объединить их в едином порыве, в движении к одной цели. Именно поэтому он так остро переживает свое одиночество, бежит от него на другую планету. По этой же причине Лось размещает свое необычное объявление, которое выполняет одновременно сразу три функции: это не только бунтарский вызов окружающей косности и трансляция сообщения разумных обитателей Марса, но и призыв, адресованный таким же мечтателям, как и сам инженер.

Спутника Лось парадоксальным образом находит в лице полной своей противоположности – бывшего красноармейца Алексея Ивановича Гусева, которого поначалу сложно назвать единомышленником инженера. Роднит героев бунт против серой обыденности и бездействия. Герои А. Толстого – мечтатели и фантазеры. Но если Лось бросает вызов действительности в виде творческой работы ученого, его бунт – это бунт идеи, движение мысли, то деятельность Гусева связана с физической активностью. Профессиональный военный и революционер Алексей Иванович является обладателем неуживчивого характера, который буквально не дает ему сидеть на месте.

Одной из отличительных черт во внешности Гусева, как и у Лося, становятся его необычные глаза «с искоркой» [Толстой, 1958, с. 536], в свою очередь неоднократно сравниваемые и с глазами Маши, жены Гусева, взгляд которой отличается собственной «сумасшедшинкой» [Толстой, 1958, с. 535]. Заметим, что в романе А. Толстой представляет особую точку зрения на героев со стороны, принадлежащую иностранцу, корреспонденту американской газеты Арчибальду Скайльсу, который воспринимает такую мечтательность и порыв к неведомому как национальную черту: «Отсутствие в их глазах определенности, то насмешливость, то безумная решительность, и, наконец, непонятное выражение превосходства – крайне болезненно действуют на европейского человека» [Толстой, 1958, с. 536]. Подчеркнем, что Гусев свое безрассудство считает ядом, он чувствует себя чужаком в мире, где никому не нужны его подвиги: «...не могу сидеть на месте: сосет. Отравлено во мне все. Отпрошусь в командировку или так убегу» [Толстой, 1958, с. 546]. Именно поэтому герой, пытаясь вырваться из предсказуемой обыденности и вновь ощутить себя на своем месте, т. е. в пути, в движении, на воле, соглашается лететь на Марс.

Интересно, что даже фантастический полет в космос кажется вполне ожидаемым на фоне прежних приключений Гусева, который за семь лет был неоднократно ранен, успел побывать у Махно, повоевать в рядах Красной армии, по собственной инициативе с тремя сотнями добровольцев совершенно по-донкихотовски отправился освобождать Индию и предсказуемо вернулся оттуда ни с чем. Отметим, что жизненные неудачи Гусев не расценивает как поражение: пока он может двигаться вперед – ничего не потеряно. Гусев полон энтузиазма и настроен оптимистично, «он не сомневается в себе, в своем призвании, даже в своих физических силах; воля его – непреклонная воля» [Тургенев, 1980, с. 332–333]. Как верно подметил А. Бритиков, для А. Толстого образ красноармейца был связан с утверждением нового отношения к миру, отрицавшего страх перед будущим, которое открывала революция, и отражением «оптимистической веры и борьбы за переделку мира к лучшему» [Бритиков, 1970, с. 62].

При этом не лишен Гусев и донкихотовской хвастливости. Свои успехи, которых тоже было немало, красноармеец воспринимает как собственную победу и по праву ею гордится: «Четыре республики учредил, – и городов-то сейчас этих не запомню» [Толстой, 1958, с. 546]. Как нам кажется, такое своеобразное рыцарское бахвальство связано с тягой Гусева к фантазированию. Бывший красноармеец, как и Дон Кихот Сервантеса, характеризуется как блестящий рассказчик, который описывает свои приключения так, «что ни в одной книге не прочтешь» [Толстой, 1958, с. 551]. Полагаем, что в таком отношении Гусева к жизни можно обнаружить и стремление к самоутверждению как проявление свойственного всем донкихотствующим героям самозванства. При первой же встрече с Лосем красноармеец уверенно заявляет: «Я вам на Марсе пригожусь» [Толстой, 1958, с. 547]. А в эпизоде отлета, когда инженер, отодвигая себя на второй план, утверждает научную ценность путешествия на соседнюю планету, Гусев, разряжая напряженную атмосферу, самонадеянно присваивает себе право представлять на Марсе целую страну и тут же получает одобрение восторженной толпы.

Интересно, что в отдельных эпизодах взаимодействия с Лосем в образе Гусева обнаруживаются и черты, характерные в большей степени для Санчо Пансы, которого, по мнению И. Тургенева, с Дон Кихотом роднила уникальная способность «бескорыстного энтузиазма, презрения к прямым личным выгодам» [Тургенев, 1980, с. 337]. Так, в сцене знакомства героев бывший

красноармеец, уточняя условия предстоящего сотрудничества, интересуется, какие ему положены «жалованье, харчи» [Толстой, 1958, с. 545]. При этом ответ инженера Алексей Иванович слушает рассеянно, на самом деле его волнует другое. Как и сервантесовский оруженосец, Гусев по-настоящему увлекается идеей путешествия на Марс, ему любопытно, «люди там или чудовища обитают» [Толстой, 1958, с. 545]. Необходимо отметить, что в главах, посвященных полету и первой разведке на новой планете, Гусев, сохраняя «“бытовой” взгляд» «не-ученого» [Неелов, 1986, с. 155] на все инопланетные чудеса, как и обещал, честно исполняет обязанности своеобразного «волшебного» помощника и заботится о ночлеге и пропитании своего рыцаря-ученого.

Объединяющее Лося и Гусева стремление вырваться из круга обыденности позволяет говорить о неприспособленности обоих героев к жизни, которая предстает в романе художественным переосмыслением донкихотовского мифа о лишнем человеке. У рефлексирующего Лося порыв к борьбе реализуется в его научных изысканиях. Именно поэтому для него так важно найти возможность физического воплощения своей идеи о межпланетном полете. Неотъемлемой составляющей этого замысла является и наличие спутника-единомышленника. Инженер боится не самой смерти, которой грозит его опасное путешествие, а одиночества в космосе: «...безнадежное одиночество в вечной тьме. Это действительно страшно» [Толстой, 1958, с. 545]. Для Мстислава Сергеевича такой исход, его смерть в одиночестве, будет означать и крах его идеи.

Неприспособленность Гусева к жизни приобретает вполне бытовой характер. А. Толстой подчеркивает, что, вынужденный устраиваться в мирной жизни, бывший красноармеец постоянно берется за разные дела и тут же бросает их. Герой не может найти продуктивного выхода своей энергии и энтузиазма деятеля, от невозможности полноценно реализовать свои силы в достойном деле он практически заболевает. Лишенный прежней воли скитальца-революционера, Гусев страдает от ночных кошмаров: «...зубы стиснуты, в поту лицо и грудь. Повалится, заснет, а наутро – весь темный, места себе не находит» [Толстой, 1958, с. 551]. Все бытовые и финансовые проблемы вынуждена решать его жена. При этом Гусев постоянно хочет уйти из дома и отправиться в «неизвестные» земли, «поглядеть, как и что» [Толстой, 1958, с. 551], его «душа непокойная» [Толстой, 1958, с. 550] все время рвется куда-то, но конкретной цели у героя нет, он чахнет от скуки, но по сути, как и инженер Лось, страдает от одиночества и непонимания окружающих.

В образе Гусева обнаруживаются традиционные черты донкихотов революции, отличающихся «отсутствием такта действительности» [Багно, 2003, с. 221], «фанатиков человеколюбия», которые стремятся любой ценой спасти страдающее человечество, но одержимы при этом «любовью к человеку-массе, а не к конкретному человеку» [Багно, 2003, с. 230], так как воплощают в первую очередь понимание донкихотства «как ненависти к злу» [Багно, 2003, с. 229]. Наиболее ценным в этом типе донкихотов русские мыслители всегда считали почти религиозное «фанатическое верование в осуществимость гармоничного порядка» [Сараева, 2010, с. 30] и самоотверженную готовность к подвигу, которая отличает и героя А. Толстого. Донкихотовский порыв Гусева к борьбе направлен вовне и связан с физическим движением, активным освоением новой территории. Поэтому герою необходимо найти достойную цель, на достижение которой и будет направлена его энергия. Такой целью для Гусева становится полет на Марс.

Таким образом, путешествие на другую планету для обоих героев-мечтателей, мыслителя Лося и деятеля Гусева, оборачивается не столько поиском нового прекрасного мира, чудесного места, сколько странничеством в поисках смысла собственной жизни и попыткой отыскать свое место в мире, который во время полета расширяется для землян-странников до размеров Вселенной. Лишь ступив на поверхность Марса, о котором герои еще ничего не знают, Лось чувствует себя обновленным, заново рожденным «в неизведанную, новую жизнь» [Толстой, 1958, с. 567], он снова открывается новым чувствам и знаниям. Гусев, в свою очередь, под чужим неизведанным небом вновь ощущает вкус давно утерянной свободы действий. Чужую планету герои исследуют тоже по-разному, но дополняя друг друга. Осматривая заброшенный, напоминающий гробницу, марсианский дом, Лось пытается понять причину разрушений. Опираясь на свои знания, он старается истолковать рисунки на стенах, посуде, барельефах, особое внимание уделяет библиотеке, заполненной скульптурами и книгами. Для него Марс – сокровищница новых знаний: «Мудрость, мудрость – вот что, Алексей Иванович, нужно вывезти на нашем корабле» [Толстой, 1958, с. 591]. Гусев же обходит весь дом, активно расширяя пространство поиска, проводит практически военную разведку, бесцеремонно осматривает вещи погибших марсиан и без смущения присваивает золотые украшения. Для него чужая планета становится сокровищницей в прямом смысле, источником золота и драгоценных камней. Для Гусева важен ощутимый физический результат предпринятого путешествия, материальные богатства открытой планеты и возможное «присоединение к Ресефсер планеты Марса» [Толстой, 1958, с. 590].

В подобном ключе проходит и первый контакт с марсианами. Лось, общаясь с посланником марсианских правителей как ученый, стремится как можно больше узнать о языке и культуре неизвестной цивилизации. Инженер интересуется повседневной жизнью и историей планеты, во время разговора старается записать названия окружающих предметов и географических объектов. Но узнать тайну разрушенных домов ему не удастся. Если Лось с переменным успехом пытается наладить обмен знаниями, то Гусев довольно быстро устраивает более выгодный для себя обмен, получая взамен завалявшихся в карманах безделушек предметы из золота. Несмотря на языковой барьер, бывший красноармеец ведет оживленную беседу с марсианскими солдатами, которая оборачивается очередным хвастливым рассказом землянина о революционных походах. Интересно, что сам Гусев по-донкихотовски верит в свои фантазии: «Я не только полком, конной дивизией командовал. Страшный герой, ужасный. <...> А тут Мстислав Сергеевич меня зовет, умоляет: “Алексей Иванович, без вас хоть на Марс не лети”» [Толстой, 1958, с. 579]. За комичными по форме словами героя, как это было и в романе Сервантеса, открывается истинное положение вещей. Путешественники А. Толстого не просто дополняют друг друга при освоении новой планеты, в поисках собственного места в мире, на пути самореализации, они необходимы друг другу. При этом важно не только продвижение землян-странников вперед, к достижению цели, но и движение навстречу друг другу, которое предстает в романе необходимой частью самоопределения обоих героев. Между «ученым» Лосем и «неученым» Гусевым устанавливаются полноценные отношения *я – другой*, где последний определяется как «другой человек со всеми своими ценностями» [Бахтин, 2003, с. 45], признание и понимание которых в конечном итоге ведут к утверждению события собственного бытия, становятся «ответственно обязующим» [Бахтин, 2003, с. 45] узнаванием себя, т. е. к самоидентификации.

Приключения Лося и Гусева на Марсе строятся на реализации двух составляющих русского донкихотства: мифов о страннике и самозванце, которые сплавляются в единое целое в образах «белых гигантов» [Толстой, 1958, с. 588], пришельцев с Земли, пророчеством о которых марсиане жили несколько тысячелетий. Примеряя маски «Сынов Неба» [Толстой, 1958, с. 599], герои выворачивают наизнанку марсианское предание. Если пришельцы из пророчества воспринимались как своего рода вестники марсианского конца света, разрушители, несущие смерть, которые должны были уничтожить цивилизацию, то в Лосе и Гусеве аборигены видят своих спасителей, носителей свежей крови, самой жизни, которая должна положить конец марсианскому культу неизбежной смерти.

Вторгаясь в жизнь марсиан, изменяя ее, каждый из героев проходит и личное испытание. Лось, бросая вызов Тускубу, правителю Марса и главному идеологу торжественного умирания, завоевывает сердце его дочери Аэлиты, потомка земных атлантов и хранительницы марсианской культуры, которая, нарушая все запреты, становится женой пришельца. Открытый для новых знаний и стремящийся убежать от одиночества и пустоты прошлого, Лось находит в Аэлите свою новую Дульсинею, смысл жизни и истинное счастье. Подчеркнем, что ощущение полноты жизни герою дает возлюбленная, в которой воплощается гармоничное единство великой тысячелетней мудрости обеих планет и самоотверженного чувства любви.

Символично, что верховный орган власти на Марсе, возглавляемый Тускубом, называется Высшим советом инженеров, а бунтующий против несправедливой марсианской действительности самозванец с Земли является профессиональным инженером. Общение с Аэлитой, носительницей научных знаний, которые больше напоминают магию, позволяет Лосю понять, что понастоящему безгранична лишь «сила устремленного знания» [Толстой, 1958, с. 622], т. е. воплощенные в материю знания, неделимое единство ясного и острого разума и бессознательной творческой силы. К активным действиям инженера, в итоге берущегося за оружие, побуждает стремление защитить возлюбленную и Гусева, которого он, несмотря на возникающие противоречия, именует «милым другом» [Толстой, 1958, с. 591]. Именно Аэлите Лось обещает, что будет бороться до конца, ведь борьба инженера за личное счастье «перерастает в солидарность с делом Гусева» [Бритиков, 1970, с. 65].

Идеологический вызов Лося марсианскому культу смерти дополняется революционной борьбой, которую с энтузиазмом возглавляет Гусев. Вживаясь в роль всесильного Сына Неба и откликаясь на призыв марсиан, бывший красноармеец решительно отодвигает на второй план прежнего лидера бунтовщиков, побоявшегося сделать последний шаг инженера Высшего совета Гора. Как признается сам Гор, у него нет сил, чтобы жить и бороться против древних марсианских суеверий и убеждения, что «всеобщее счастье – бред сумасшедших» [Толстой, 1958, с. 656], но он может достойно погибнуть в этой борьбе, потому что не умеет «свирепо и властно любить жизнь» [Толстой, 1958, с. 664], так, как это делают земляне. Гусев как донкихотствующий герой, беспечный мечтатель и носитель той самой безрассудной творческой энергии, ощутив полную свободу действий, бросается на баррикады, он готов в любой момент умереть сам и способен отправить на смерть тех, кто пойдет за ним: «Вождь нашелся. Головы пошли кругом. Невозможное показалось возможным» [Толстой, 1958, с. 651].

Заметим, что в своем испытании на Марсе Гусев также проходит большой путь, изменяясь в лучшую сторону. От абстрактных походов в Индию и

Китай с неясной целью Алексей Иванович приходит к страстному порыву облегчить мучения конкретных живых людей, страдающих и умирающих рядом, умоляющих о помощи. Крах революции Гусев переживает как болезнь, практически впадая в полубредовое состояние: «Ну, и пусть кожу с меня дерут. Неправильно все на свете. <...> “Спаси, говорят, спаси нас...” Цепляются... <...> Что я могу?.. Вот кровь свою пролил. Задавили. <...> не могу я этого видеть... Зубами мучителей разорву...» [Толстой, 1958, с. 661]. В заключительных же главах романа вся энергия Гусева, страдающего от голода и жажды, из последних сил прорывающегося к ракете с тяжелораненым инженером Лосем на плечах, направлена на спасение жизни одного-единственного человека, товарища по путешествию, который стал ему по-настоящему дорог. Если научные знания и мечта Лося о покорении звездного пространства приводят героев на Марс, то живыми на Землю они возвращаются благодаря энергии и отваге Гусева, завершая общий путь самоопределения.

Несмотря на поражение марсианской революции и вынужденное бегство Лося и Гусева, путешествие героев благополучно завершается возвращением на Землю, которая теперь в сознании обоих беглецов воспринимается как дом, свое, близкое, защищенное пространство, где для каждого есть свое место и дело. Оба героя осуществляют свое предназначение, занимаются любимой, но необходимой и для общего блага работой. Инженер Лось на механическом заводе конструирует космический корабль с принципиально новым двигателем, который позволит сделать полеты к другим планетам более доступными. Гусев, поправив материальное положение семьи, полностью отдается профессиональной революционной деятельности и организует «Общество для переброски боевого отряда на планету Марс в целях спасения остатков его трудящегося населения» [Толстой, 1958, с. 683], представители которого, вероятно, первыми полетят к Марсу на новых кораблях Лося. Утверждением надежды на лучшее становится и полученное землянами новое марсианское сообщение, зов Аэлиты, «голос любви» [Толстой, 1958, с. 682], который оборачивается в финале романа символическим торжеством жизни над смертью.

Заключение

Подводя итог, отметим, что донкихотовский бунт героев-мечтателей против застывшей реальности в романе «Аэлита» связывается А. Толстым с проблемой самоидентификации. Путешествие на Марс мыслителя Лося и деятеля Гусева предстает не столько поиском нового прекрасного мира, чудесного места, сколько странничеством в поисках собственного места в стремительно меняющейся действительности. На пути самоопределения интеллигент Лось, воплощающий идею научного служения, знание, острый ум, и выходец из народа Гусев, донкихотствующий революционер, носитель деятельной творческой силы, необходимы друг другу. Ключевое значение имеет не только продвижение героев по пути самореализации, но и движение навстречу друг другу. Между «ученым» инженером Лосем и «не-ученым» красноармейцем Гусевым устанавливаются полноценные отношения *я – другой*, в которых признание и понимание системы ценностей другого ведут к узнаванию самого себя, самоидентификации. Путешествие-поиск обоих героев завершается обретением личного счастья и реализацией своего призвания, которое способствует достижению всеобщего блага в будущем.

Список источников

- Багно В. Е. Дон Кихот в России и русское донкихотство. СПб.: Наука, 2009. 228 с.
- Багно В. Е. Русское донкихотство как феномен культуры // Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни : сб. ст. / отв. ред. В. Е. Багно. СПб.: Наука, 2003. С. 217–232.
- Баранская Е. М. Вектор творческих экспериментов А. Н. Толстого в период ре-эмиграции // Учен. зап. Крымского фед. ун-та им. В. И. Вернадского. Филол. науки. 2023. Т. 9 (75), № 1. С. 3–15.
- Баранская Е. М. Фантастика А. Н. Толстого: современность или бегство от нее? // Учен. зап. Крымского фед. ун-та им. В. И. Вернадского. Филол. науки. 2021. Т. 7 (73), № 4. С. 3–19.
- Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. 955 с.
- Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. 447 с.
- Горохов П. А. Социально-философская проблематика фантастической прозы А. Н. Толстого // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2005. № 7. С. 49–56.
- Исмаил К. Х. Ницшеанские мотивы в романе А. Н. Толстого «Аэлита» // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9 : Язык и литература. 2008. Вып. 4, ч. II. С. 81–84.
- Козьмина Е. Ю. Фантастика начала XX века в жанровом освещении // Науч. диалог. 2017. № 6. С. 148–157. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-6-148-157>
- Неелов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1986. 199 с.
- Пинский Л. Е. Сюжет «Дон Кихота» и конец реализма Возрождения // Ренессанс. Барокко. Просвещение. М.: Изд-во РГГУ, 2002. С. 149–232.
- Сараева Е. Л. «Донкихотство» в дискурсе западников // Ярославский пед. вестн. 2010. № 2. С. 28–32.
- Сахарова В. М. А. Толстой и Е. Замятин: психологизм «романов о будущем» в сравнительно-типологическом аспекте // Вестн. Ставропольского гос. ун-та. 2007. № 51. С. 237–241.
- Толстой А. Н. Собр. соч. : в 10 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 3. 1958. 712 с.
- Тургенев И. С. Гамлет и Дон-Кихот // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 5. С. 330–348.

References

- Bagno, V.Ye. (2003). Russian Don-Quixotism as a cultural phenomenon. *Mind and fashion leaders. Someone's name as an inherited model of life*. Collection of articles. V. Ye. Bagno (ed.). St. Petersburg, Science, pp. 217-232. (In Russian).
- Bagno, V.Ye. (2009). *Don Quixote in Russia and Russian Don-Quixotism*. St. Petersburg, Science, 228 p. (In Russian).
- Baranskaya, Ye.M. (2021). Fiction of A. Tolstoy: the present or the flight from it? *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, vol. 7, no. 4, pp. 3-19. (In Russian).
- Baranskaya, Ye. M. (2023). Vector of creative experiments by A. N. Tolstoy during the period of re-emigration. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, vol. 9, no. 1, pp. 3-15. (In Russian).
- Bakhtin, M.M. (2003). *A collection of works: in 7 vols. Vol. 1: Philosophical esthetics of 1920s*. Moscow, Russian dictionaries, Languages of Slavic Culture, 955 p. (In Russian).
- Britikov, A.F. (1970). *Soviet Russian science-fiction novel*. Leningrad, Science, 447 p. (In Russian).
- Gorokhov, P.A. (2005). Socio-philosophical problems of fantastic prose of A. Tolstoy. *Bulletin of Orenburg State University*, no. 7, pp. 49-56. (In Russian).

Ismail, K. Kh. (2008). Nietzschean motifs in the novel by A. N. Tolstoy "Aelita". *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 9: Language and Literature*, no. 4, pp. 81-84. (In Russian).

Kozmina, Ye.Yu. (2017). Fiction of the beginning of the 20th century in genre of lighting. *Scientific Dialogue*, no. 6, pp. 148-157. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-6-148-157>.

Neelov, Ye.M. (1986). *Science fiction's fairy-tale roots*. Leningrad, Zhdanov Leningrad State University, 199 p. (In Russian).

Pinskiy, N.Ye. (2002). The plot of "Don Quixote" and the end of realism of the renaissance. *Renaissance. Baroque. Enlightenment*. Moscow, Russian State University for the Humanities, pp. 149-232. (In Russian).

Saraeva, E.L. (2010). "Quixotism" in the western discourse. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 2, pp. 28-32. (In Russian).

Saharova, V.M. (2007). A. Tolstoy and E. Zamyatin: psychologism of "novels about the future" in a comparative typological aspect. *Bulletin of Stavropol State University*, no. 51, pp. 237-241. (In Russian).

Tolstoy, A.N. (1958). *A collection of works*. in 10 vols. Moscow, State Publishing House of Art Literature, vol. 3, 712 p. (In Russian).

Turgenev, I.S. (1980). Hamlet and Don Quixote. *Full collection of works and letters*. in 30 vols. Moscow, Science, vol. 5, pp. 330-348. (In Russian).

Сведения об авторе

Пономарева Дарья Васильевна – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры теории и истории литературы, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, <https://orcid.org/0009-0008-8498-2422>, dvponomareva@sfedu.ru

Information about the Author

Daria V. Ponomareva – Ph.D. in Philology, senior lecturer of the Department of the Theory and History of Literature, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, <https://orcid.org/0009-0008-8498-2422>, dvponomareva@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.